

РОССИЯ: ОПАСНОСТЬ УТРАТЫ СИБИРИ И ДАЛЬНОГО ВОСТОКА В СВЕТЕ ДЕМОГРАФИИ И ГЕОПОЛИТИКИ

О.Г. Буховец,

*доктор исторических наук, зав. кафедрой политологии
Белорусского государственного экономического университета*

Экспозиция тревог

Начавшаяся в 1992 г. и продолжающаяся уже 15-й год депопуляция России давно стала предметом нарастающей тревоги не только демографов, этнологов, политологов, экономистов, политиков и государственных деятелей, но и широкого общественного мнения. И уже не только в самой России, но и далеко за ее рубежами.

А оснований для обеспокоенности меньше не становится. Во вводной статье к опубликованному Центром демографии и экологии человека РАН очередному международному статистическому отчету «Все страны мира (2005)» французский специалист Ж. Пизон в связи с «весьма низкой рождаемостью» первой упоминает Россию [1. С. 1]. И действительно: в истекшем году в стране родилось чуть больше полутора миллионов человек (1502 тыс.), а умерло - почти 2,3 млн (2288 тыс.) [1. С. 4]. Родилось, таким образом, на 786 тыс. чел. меньше, чем умерло, т. е. на 52,3%! При сохранении тех факторов, которые сегодня определяют демографическое состояние страны, ее население через 20 лет сократится на 13 млн чел. и составит в 2025 г. уже лишь 130 млн [Там же]. В таком случае, к примеру, отставание России от занимающей в таблице соседнюю строчку Бангладеш, увеличится уже до 60 млн чел. При этом нельзя не заметить, что территория последней не составляет и... *одного процента* от территории РФ (всего-навсего 0,8%) [Там же].

С крайней тревогой артикулируют демографические и этнополитические угрозы для России известные российские экономисты Н. Шмелев и В. Федоров. Академик Н. Шмелев в недавно опубликованной концептуально-футурологической статье «Россия через 50 лет: возможные сценарии будущего» пишет, в частности, что «процесс депопуляции страны, углубляющийся демографический кризис» сле-

дует назвать «*первым* в длинном списке болезней современной России» (выделено мною. - 0.5.) [2. С. 7].

В выдержавшей уже два издания монографии «Россия: внутренние и внешние опасности» профессор В. Федоров, отталкиваясь от в разной мере пессимистических прогнозов демографического развития страны (в этом отношении цитированный выше отчет - далеко не самый пессимистичный), характеризует положение в куда более жестких выражениях, чем это имеет место даже при анализе состояния народного хозяйства и экономической политики правительства. По нему, начавшееся с 1992 г. «вымирание собственного народа является для России роковой опасностью», оно ставит «под вопрос ... сохранение ее целостности», и по этому поводу «пришло время бить в набат...» [3. С. 22, 25, 85].

Аргументы в обоснование этих проникнутых крайней тревогой заявлений В. Федоров приводит следующие. В нынешнем «перенаселенном мире показатель плотности населения может стать важнейшим политическим аргументом в пользу очередного перераспределения территории земного шара». Поскольку перенаселенность имеет тенденцию постоянно усиливаться (за счет бурного роста населения на Юге), то на повестке дня будущего вполне может стать в обостренной форме вопрос о «нехватке жизненного пространства»... Страны, не справляющиеся с ростом своего населения, естественно, заинтересуются «неиспользуемыми и слабоиспользуемыми территориями» других государств. В этой ситуации уменьшающийся, по причине депопуляции, показатель плотности населения в России будет стимулировать в «некоторых странах» представления об избытке территории в ней, что сделает ее земли «предметом вождения» [3. С. 29-30].

Н. Шмелев не столь жестко формулирует потенциальные угрозы для страны, исходящие от депопуляции, но и он расценивает опасения, что Россия не сможет удержать в своем составе, по меньшей мере, Восточную Сибирь и Дальний Восток, как «весьма обоснованные». Отсюда не ясен ответ на вопрос, «где будет пролегать восточная граница России в середине XXI века – по Лене, по Енисею, а может быть, и по Оби, и даже по Уралу» [2. С. 7].

О том, из каких конкретно «некоторых стран», «не справляющихся с ростом своего населения», исходит угроза, скажем так, «подселения» на неиспользуемые и слабоиспользуемые российские территории, одни авторы говорят совершенно без обиняков: из Китая и, в меньшей степени, из Японии. Другие прибегают к политкорректной «кодировке» и предпочитают использовать эвфемизмы типа «массовые контингенты иноэтничных и инокультурных иммигрантов» [4. С. 4]. Третьи же с провокационной смелостью предлагают попросту «открыть шлюзы» для «500 миллионов трудолюбивых китайцев» (и «где же их взять, если ... не в самом Китае?») [5. С. 2].

Алгоритм действий китайцев представляется следующим. Активно проникая разными путями в Сибирь и на Дальний Восток, они создают базу для экономического освоения этих районов. Дальнейшее последовательное ее расширение приводит к потере этих районов в пользу перенаселенного соседа, когда численность проживающих там россиян опускается ниже критической точки [3. С. 30].

Вероятность китайской территориальной экспансии в свете исторического опыта

В отношении осуществимости такого сценария возникает ряд сомнений. Во-первых, исторически Срединной империи не было свойственно стремление к *собственно* территориальной экспансии. Оговорка Н. Шмелева о том, что единственным исключением является лишь политика Китая по отношению к Индокитаю [2. С. 12], на новейшее время не распространяется, так как даже военный конфликт 1979 г. между КНР и СРВ разгорелся не из-за стремления первой захватить какую-то часть вьетнамской территории, а вследствие конкуренции ком-

мунистических режимов обеих стран за доминирование в регионе.

Современный же Китай граничит с целыми 12-ю большими и малыми государствами, но в новейшей истории мы не найдем *ни одного* примера существенного «прирастания» его территории за счет соседей¹ (передача по межправительственным соглашениям Китаю небольших участков земли, например Россией и Кыргызстаном – не в счет).

Следующее сомнение. Если изложенный В. Федоровым план «пошагового экспансионизма» в отношении малонаселенных регионов России будет реально претворяться в жизнь, то почему до сих пор не осуществлялось нечто подобное по отношению к другим, куда более подходящим для этого малонаселенным соседям КНР – Монголии и Лаосу, к которым 15 лет назад добавился еще и малолюдный Казахстан? Прежде всего, конечно, по отношению к Монголии, средняя плотность населения в которой составляет всего лишь 1,6 чел. на 1 км² (т. е. почти в 2 с половиной раза ниже, чем в Сибири!). В любом смысле она, можно сказать, идеальный объект для аналогичного «плана». Ведь собственная ее современная государственность не насчитывает еще и 90 лет (с 1921 г.), тогда как предшествующие два с лишним века Монголия была провинцией Китая. А с учетом того, что она также имеет протяженную общую границу с китайским автономным районом «Внутренняя Монголия», получается просто идеальное сочетание истории и современности для солидного обоснования «естественной» идеи «объединения монгольского народа» под одной крышей – китайской.

Геополитические и геоэкономические выгоды в случае реализации такого проекта были бы неопределимы: «добавленное жизненное пространство», составляющее без малого 17% от территории КНР, 800 месторождений целых 80-ти видов полезных ископаемых, «выравнивание» и перенос границы с Россией аж на линию «священного Байкала». Подобные планы вынашивались в маоистском Китае, да и в нынешнем, конечно, не перевелись те, кто

¹ Присоединение к КНР в 1949 г. Восточного Туркестана и в 1951 г. Тибета было восстановлением китайского суверенитета над отделившимися в «смутное время» провинциями, так и не сумевшими стать независимыми государствами де-юре.

считает существование независимой Монголии историческим недоразумением. Неспроста ведь она, наряду с Сибирью и Дальним Востоком, остается объектом китайской «картографической агрессии».

Но сегодня это, в сущности, «фантомные боли Поднебесной». В отношениях с другими странами постмаоистский, бурно модернизирующийся Китай, образно говоря, «перековал мечи на орала» (Тайвань, понятно, особая статья). Вполне уже очевидно, что для его властной элиты экономическая экспансия по *всем*, подчеркнем, возможным азимутам - *не средство* для дальнейшей инкорпорации той или иной страны в КНР, а *самодостаточная цель*. И не территории, сами по себе, интересуют Китай, а, «во-первых, возможности укрепления его энергосырьевой и водной базы, включая активное участие в разработке ресурсов ...7 соседей ...», во-вторых, новые рынки для его традиционной, а теперь и высокотехнологической продукции, в-третьих, облегчение условий, причем повсюду в мире, для миграции наиболее подвижной ... части его населения в поисках занятости и сфер приложения своих капиталов» [2. С. 12, 13].

Разумеется, успешное достижение этих целей обеспечит затем и ту или иную степень политического влияния. Так что монголам, находящимся действительно в особо деликатной геополитической ситуации, опасаться нужно все-таки не «воссоединения с братской Внутренней Монголией», а чрезвычайной степени экономического «освоения» своей страны великим южным соседом, которое, бесспорно, сопровождалось бы и серьезной политической зависимостью от него. Но, подчеркнем, не более того: сегодня уже никакая страна не может «отменить» международно признанную *субъектность* другого государства, «стереть» его с политической карты, будь то, к примеру, крошечный Кувейт или беспомощный Восточный Тимор.

Мы изложили свои сомнения относительно упомянутой выше авторами опасности потери Россией обширных территорий не для того только, чтобы обосновать несколько иное видение этой опасности, но и потому еще, что тема эта давно уже, как говорится, на слуху и настолько «разогрета» СМИ, что обрела черты фобии. Что же касается легальной и нелегальной китайской иммиг-

рации, то нельзя не согласиться с этими авторами, что в ней, безусловно, таятся серьезные опасности, особенно для Зауралья.

В своей работе «Крушение Европы?» [6] В. Федоров очень резонно предлагает взглянуть на ситуацию с китайским «освоением» Зауралья через призму Косовского феномена, когда албанцы, воспользовавшись разрешением правительства СФРЮ, стали активно переселяться в Косово и Метохию, где, отличаясь высокой рождаемостью, в считанные десятилетия, т. е. достаточно быстро по демографическим понятиям, превратились сначала в относительное, а затем и в абсолютное этническое большинство.

Так вот, косовский пример пугающе назидателен: став большинством, этническая группа пытается «перекодировать» завоеванную территорию экономически, культурно-исторически, а при достаточно благоприятных условиях - и политически. Но насколько риски эти реальны для будущих судеб Сибири и Дальнего Востока в связи с китайской миграцией в этот огромный регион? Хотелось бы в рамках ответа на этот достаточно «заезженный» вопрос привлечь внимание к некоторым, на наш взгляд, очень немаловажным факторам, позволяющим при прогнозировании ситуации не срываться в тот алармизм, который давно уже культивируют научная публицистика и масс-медиа по поводу данной проблемы.

Аргументы статистики: скорее, против, чем за

Ставшая вполне привычной практика сравнения средней плотности населения в Сибири и на Дальнем Востоке с аналогичным показателем, относящимся лишь к Северо-Восточному, и даже к Восточному Китаю, просто *не может* не вызывать у читающего или слушающего большую тревогу. В самом деле, в Сибири (федеральном округе) плотность составляет только 3,9 чел. на 1 км², а на Дальнем Востоке - лишь 1,1. Ну а если по КНР нам в лучшем случае приводят лишь среднюю цифру плотности населения для страны в целом, то все, как говорится, не только ясно, но и просто безотраднo.

Действительно, в КНР в начале XXI в. (2005 г.) плотность населения достигла уже 136 чел. на 1 км² (подсчитано по [1. С. 6]).

Цифра говорит сама за себя, если сравнить ее с аналогичной по России: в самой большой по территории стране одновременно и Европы, и Азии на 1 км² приходится только 8,4 жителя (2004 г.). Но и китайский показатель выглядит достаточно скромно на фоне других, более густонаселенных стран. В великой соседке Китая - Индии - он превысил уже 335 чел. на 1 км². И во многих европейских странах плотность населения гораздо выше, чем в КНР: в Германии - в 1,7 раза, в Англии - в 1,8, а в Бельгии и Голландии - даже в 2 с половиной и почти в 3 раза соответственно.

Кроме того, громадные просторы России и Китая заселены крайне неравномерно. К примеру, в восточной части КНР, составляющей лишь 1/10 территории страны, проживает 80% всех ее жителей. По этой причине экстраполяция усредненных показателей, относящихся к столь огромным территориям, на те или иные составные части этих территорий чревата весьма серьезными искажениями действительной картины. Иными словами, анализируя ход и прогнозируя последствия проникновения китайцев в Сибирь и на Дальний Восток, мы должны отталкиваться не от усредненных показателей плотности, в основе которых - население, равномерно «размазанное» по просторам 10-миллионной (км²) Сибири и почти 10-миллионного (км²) Китая, а от соответствующих цифр, которые отражают ситуацию в зоне территориального соприкосновения России и Китая.

На российской стороне очень протяженной границы с КНР (3645 км) находятся Приморский и Хабаровский края, Еврейская автономная область, Амурская и Читинская области. С китайской стороны - провинция Хэйлунцзян (469 тыс. км²) и автономный район Внутренняя Монголия (есть также короткий участок границы с провинцией Гиринь по узкой полоске побережья Японского моря, южнее Владивостока). Куда более протяженной является «опосредованная граница» Китая и России - через очень малолюдные и весьма проницаемые для неконтролируемой миграции территории Монголии и Казахстана.

С китайской стороны к ней прилежат та же обширная Внутренняя Монголия (1,2 млн км², или 12,5% всей территории страны), провинция Ганьсу (450 тыс. км²) и еще один обширнейший автономный район - Синь-

цзян - Уйгурский, на который приходится 17,3% территории КНР (1,66 млн км²). На российской стороне (до Урала) - Республики Бурятия, Тува и Алтай, Алтайский край и Новосибирская, Омская, Тюменская, Курганская области. С учетом же непосредственной близости к границе Республики Хакассия, Иркутской и Кемеровской областей, Красноярского края (на некоторых участках - менее 100 км, Кемеровская обл. - 200-300 км), эти регионы можно отнести условно к пограничным, определяя их при этом, во избежание терминологической контаминации, как «приграничные».

Общая площадь 5 административных единиц КНР, имеющих внешний - непосредственный и опосредованный - выход на линию гигантского зауральского, в недавнем прошлом «укрепрайона», а сегодня, по определению В. Федорова, «недееспособного территориального образования» [6. С. 32] достигает 3 772 300 км². Таким образом, по площади, составляющей 39,4% всей территории страны, «плацдарм» для миграционного «наступления» на Север - более чем достаточен. Но характеризуется ли такой же избыточностью сам миграционный потенциал - общая численность и плотность населения? Скорее - нет, не характеризуется. Мы бы сказали даже, что, вопреки существующим представлениям, он не «по-китайски» скромен.

В самом деле, на столь обширной территории, по площади превосходящей даже такую большую страну, как Индия, численность населения составляет только 107,8 млн. Перепады по плотности достаточно велики: в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (19,6 млн) - всего-навсего 11,8 чел. на 1 км², во Внутренней Монголии (23,8 млн) - 19,9 чел., в провинции Ганьсу (26,2 млн) - 58,2, а в провинции Хэйлунцзян (38,2 млн) - 81,4 чел. на 1 км² (данные на конец 2004 г.) [7]. Как видим, даже самый высокий показатель - в Хэйлунцзяне - ниже среднего по стране (136 чел. в 2005 г.) в 1,6 раза. Что уж говорить тогда об усредненной цифре для всего рассматриваемого здесь пограничья: она составила только 28,6 чел. на 1 км²: это в 4,8 раза ниже среднекитайской!

Следовательно, что касается *собственно* территории северо-восточного, северного и северо-западного пограничья (составляющей без малого ²/₅ общенациональной), то миграцион-

ный потенциал движения на Север у нее, конечно, наличествует. Но считать его очень большим не приходится. Разумеется, речь идет именно о *собственном* потенциале пограничных районов, а не об *общем*, весьма немалом миграционном потенциале китайского Востока и Юго-Востока. Реализация последнего - это совсем уже другое дело: она во всех отношениях несравненно более сложна и затратна, чем из приграничья.

Так обстоят дела у миграционного донора... А каковы возможности у реципиента, российского пограничья, в осуществлении *своего* сценария в связи с миграцией китайцев? Ведь именно туда прежде всего бни прибывают, и это самая уязвимая, с точки зрения многих, территория.

Перечисленные выше 13 пограничных регионов России занимают площадь в 4393,3 тыс. км² (с четверкой приграничных - 7658,3 тыс. км²). Суммарное их население (2003 г.) составило 19 276,2 тыс. чел. Добавление же ближнего приграничья дает уже 28 460 тыс. чел. Как видим, в Зауралье, в полосе приграничных субъектов России, сосредоточено абсолютное большинство населения этого громадного региона страны. Поэтому здесь, естественно, выше и плотность населения. Для 4-х дальневосточных пограничных краев и областей она составляет в среднем 3,5 чел. на 1 км² (4753,7 тыс. жителей на 1354,2 тыс. км²).

Для 9-ти сибирских республик, краев и областей она составляет без малого 4,8 чел. на 1 км² (14 522,5 тыс. чел. на 3039,1 тыс. км²). С учетом же четверки приграничных регионов этот показатель снижается до 3,8 чел. (23 706,3 тыс. жителей на 6304,1 тыс. км²). Причина - значительно более низкая средняя плотность населения в «четверке»: 2,8 чел. (9183,8 тыс. чел. на 3265 тыс. км²).

Более чем 5,5-миллионное население Иркутской обл. и Красноярского края, подавляющее большинство которого сосредоточено в южной, собственно приграничной их части, формально-статистически распределяется по крайне малонаселенным просторам тайги и тундры центральной и северной частей. Та же ситуация с югом и севером и у двух самых больших по территории регионов пограничья - Тюменской обл. и Хабаровского края с их почти 5-миллионным населением. Таким образом, за счет Тюменской и Иркутской облас-

тей, Красноярского и Хабаровского краев, общая площадь которых составляет 69,6% (5331,4 тыс. км²) совокупной площади 17-ти пограничных и приграничных регионов, прежде всего и происходит сильное искусственное «разбавление» плотности населения на территории, непосредственно и опосредственно прилегающей к Китаю.

Но это еще не все: из карты плотности населения [8: Т. 1. С. 168-169] явствует, что в рамках пограничья и приграничья *самая высокая*, от Урала до Дальнего Востока, *плотность населения* - именно в полосе, которая либо непосредственно прилежит к границе, либо местами отстоит от нее лишь на 200-300 км. Причем, что особенно важно, как раз в этой полосе и сосредоточено подавляющее большинство городов российского Зауралья, в том числе почти все наиболее крупные из них - 28 городов с населением более 100 тыс. жителей (в их числе 2 «миллионника» и один, Красноярск, на пороге миллиона) и свыше 70-ти городов с населением до 100 тыс. Исключительно значимой с точки зрения гипотетической опасности «мирного завоевания» китайцами обширных прилежащих российских территорий является повышенная концентрация их городского населения как раз вдоль «рокадных», если продолжить федоровскую аналогию с «укрепрайоном», путей - Транссибирской магистрали и ее ответвлений, других железных и автомобильных дорог².

А поскольку города играют роль «гравитационных центров» не только экономики (В. Федоров), но и вообще современной цивилизации, добавим мы, то сколько же нужно китайцев, чтобы в необходимой для «завоевания» мере «разбавить» 19-миллионное городское и 9,5-миллионное сельское население этого, ключевого для России, района Зауралья?! По всей очевидности, для этого потребуются не просто миллионы их, а весьма двузначное число миллионов, т. е. по масштабам что-то вроде «Великого переселения».

Но можно ли осуществить «тихой сапой» «перетекание» населения из одной страны в другую в столь гигантских объемах? Такое, пожалуй, совершенно исключается: мировой

² Доля городского населения в 2003 г. составила 66,9% всего населения по- и приграничья (все подсчеты количества населения и территории 17-ти приграничных регионов произведены на основе данных [12. С. 857, 858, 865, 866, 868-870, 872, 878, 881, 883, 888, 889, 899, 901, 904].

опыт свидетельствует, что подобная ситуация неминуемо приведет к межгосударственному военному конфликту. *Практическую* же вероятность такового между Китаем и Россией в ближайшие десятилетия обосновать можно разве что только при помощи «политолого-фантастического метода»...

Совсем не та депопуляция!

Дополнительные и очень тревожные обертоны разбираемой здесь проблеме придает процесс депопуляции, в который Россия вступила в 1992 г. Понятно, что наблюдающаяся уже 15 лет естественная убыль населения особенно опасной представляется в первую очередь для дальнейших судеб Сибири и Дальнего Востока, и именно в свете перспектив их «мирного завоевания» южным соседом.

И опять-таки: действительно драматичная и просто судьбоносная для страны проблема, проходя через популяризаторские «трансформаторы» СМИ, очень сильно огрубляется, теряет присущие ей свойства нелинейности, комплексности и многомерности.

Так вот в ключе такой огрубляемости (с нотами истеричности), общая депопуляция в России плюс массовый отъезд населения из Зауралья представляются фактором, чрезвычайно упрощающим заселение китайцами в настоящем и недалеком будущем «освобождаемых» россиянами территорий. Поэтому слишком много китайцев поначалу, мол, и не нужно: процесс «обезлюдения» сам обеспечит логическую развязку в интересах Китая.

А как в действительности развиваются эти события в Сибири и на Дальнем Востоке в последние десятилетия? Во многом - не совсем так, а в чем-то даже и вовсе не так, как полагают многие пишущие на эту тему. Прежде всего, мы и здесь в очередной раз сталкиваемся с тем, насколько злоупотребление средними цифрами может вводить в заблуждение: хочется думать, что, по большей части, невольное. Как известно, за десятилетия, предшествовавшие развалу СССР, в Зауралье переселились, добровольно и недобровольно, многие миллионы жителей из Европейской России и других частей Советского Союза.

В результате доля Азиатской России в населении страны за **1926-1991** гг. увеличилось с 13,3 до 21,9%, достигнув в абсолютных

цифрах 32,5 млн чел. [5. С. 1]. Благодаря действовавшей системе разного рода льгот значительный приток переселенцев в Сибирь и на Дальний Восток продолжался также в последнее предперестроечное десятилетие, а по угасающей - и в первые годы перестройки. Со 2-й половины 70-х до конца 80-х годов эти районы приобрели в результате миграции 1,4 млн жителей [9. С. 165]. Однако нараставший во 2-й половине 80-х годов экономический и социальный коллапс развернул миграционный вектор на 180 градусов: с 1989 по 2001 г. отток населения из субъектов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов на запад России превысил 1 млн чел. [Там же]. Пик выездов пришелся на 1993-1995 гг., когда ежегодно уезжали свыше 100 тыс. чел. [4. С. 4].

Вместе с тем делать на основании этих или аналогичных данных того же уровня выводы о депопуляции в Зауральском приграничье можно лишь с рядом принципиальных оговорок. Во-первых, в наибольшей степени миграционный отток коснулся именно северной и центральной полосы Сибири и Дальнего Востока. Особенно пострадали при этом Якутия, Магаданская и Камчатская (с Корякским АО) области, Чукотский АО, а также расположенная южнее их островная Сахалинская область [Там же].

Но дело-то в том, что из данных регионов, а также с севера Читинской области население уезжает не только в Европейскую Россию, но и на юг того же Зауралья - в Красноярский, Приморский и Хабаровский края, Новосибирскую, Омскую, Иркутскую и Амурскую области, Хакассию и Еврейскую АО. Таким путем происходит хотя и частичная, но все же *весьма существенная* компенсация миграционного оттока на запад России из приграничных регионов. В частности, в 1991-2003 гг. Хабаровский край компенсировал таким образом почти 30% миграционной убыли, Иркутская область - почти 50%, Амурская область и Приморский край - **10-15%**, Красноярский край и Хакассия - более 50% [4. С. 4; 10. С. 3-4].

В ряде регионов - Алтайский край, Новосибирская, Омская, Тюменская, Курганская области - важным источником для минимизации, а то и для компенсации «с лихвой» внутренних миграционных потерь стал массовый переезд туда жителей Казахстана

и государств Центральной Азии [10. С. 4]. Таким образом, в общем и целом южная приграничная полоса Зауралья от смены вектора миграций в постсоветский период страдает пока как раз в *наименьшей степени*.

Далее. Будучи частным случаем массовых социальных явлений, демографические процессы в силу *качественной* своей природы представляют собой все-таки процессы-«тихоходы», а отнюдь не «экспрессы». Особенно это относится к изменениям в типе воспроизводства населения, когда новые моменты в соотношении смертности и рождаемости обретают характер вполне *устойчивой* тенденции лишь в результате многолетнего в той или иной мере *накопления*. При этом количественные изменения в ходе последнего происходят отнюдь не скачкообразно, а развиваются «по глассаде», плавно ускоряя или же замедляя свой ход, с запаздыванием «по фазе».

Миграции, с этой точки зрения, - явление с более выраженным динамическим потенциалом. Однако и здесь «обвальный» их рост (или сокращение) от года к году *практически* возможен *только* при появлении каких-то *форсмажорных* обстоятельств - война, угроза геноцида, катастрофические стихийные бедствия. Прочие факторы, даже такие серьезные как, например, развал СССР, дают хотя и «сверхнормативные» объемы миграции, но все же не с «обвальными» от года к году показателями (об этом свиде-

тельствует и наш опыт исследования мирных вариантов постсоветского «Великого переселения народов») [11. С. 38-40].

Чтобы определить, насколько ошибочны те или иные алармистские представления о депопуляции на приграничных с Китаем территориях, обратимся к конкретной ситуации по совокупности рассматриваемых 17 регионов Зауралья. По всей очевидности, «заглянуть» в их «день сегодняшний» (в соответствии с данными на 2003 г.) логичнее всего, конечно, из 1981 г., поскольку именно им и завершилась целая эпоха «застойной стабильности» в СССР. Весьма при этом полезной будет и промежуточная «смотровая вышка» - Всесоюзная перепись населения 1989 г., проходившая уже в разгар общесистемного кризиса в стране.

Всмотревшись в общую картину по всем 17-ти регионам приграничья (табл. 1), мы можем увидеть весьма убедительные конкретные подтверждения сформулированных выше положений о «конституциональной тихоходности» демографических процессов, а также об их *инерционности*, которая выражается в существенной задержке реагирования на воздействующие внешние факторы. Так, проведенная через 8 лет после вступления СССР в фазу политической, экономической и социальной энтропии перепись 1989 г. зарегистрировала очень существенный прирост населения (на 11,5%) в указанных 17-ти регионах иригани-

Таблица 1

Динамика численности населения России в приграничных регионах Зауралья, тыс. чел.

Регион	Динамика по годам					
	1981 г.	1989 г.	1989/1981,%	2003 г.	2003/1989,%	2003/1981,%
Приморский край	2013,0	2256,1	112,1	2109,2	93,5	104,8
Хабаровский край	1415,0	1597,7	112,9	1476,3	92,4	104,3
Еврейская АО	195,0	214,1	109,8	193,6	90,4	99,3
Амурская обл.	969,0	1050,2	108,4	974,6	92,8	100,6
Читинская обл.	1258,0	1375,3	109,3	1227,0	89,2	97,5
Республика Бурятия	929,0	1038,3	111,8	1013,5	97,6	109,1
Иркутская обл.	2616,0	2824,9	108,0	2696,3	95,4	103,1
Республика Тува	269,0	308,6	114,7	310,6	100,6	115,5
Красноярский край	2757,0	3038,6	110,2	2996,1	98,6	108,7
Республика Хакассия	508,0	566,9	111,6	572,4	101,0	112,7
Республика Алтай	173,0	190,8	110,3	205,2	107,5	118,6
Кемеровская обл.	2990,0	3171,1	106,1	2919,0	92,1	97,6
Алтайский край	2514,0	2631,3	104,7	2601,0	98,8	103,5
Новосибирская обл.	2657,0	2778,7	104,6	2702,5	97,3	101,7
Омская обл.	1973,0	2141,9	108,6	2109,2	98,5	106,9
Тюменская обл.	2031,0	3097,7	152,5	3291,4	106,3	162,1
Курганская обл.	1085,0	1103,7	101,7	1062,1	96,2	97,9
ИТОГО	26 352,0	29 385,9	111,5	28 460,0	96,8	108,0

Источник. Подсчитано по [13; 16].

чья: с 26 352 тыс. чел в 1981 г. до без малого 29,5 млн чел. в 1989 г., т. е. в среднем по 1,44% в год! Иными словами, и в эти годы, когда административно-распределительная система «северных» льгот быстро деградировала и стимулов ехать в Зауралье за «длинным рублем» становилось все меньше, а естественный прирост тем временем затухал, существенный рост по инерции продолжался еще несколько лет.

Определяющим условием для осуществления массивованного «подселения» иностранцев на рассматриваемые приграничные территории является существующий там уровень плотности населения. Чем плотнее территории заселены, тем, соответственно, меньшими возможностями располагают пришельцы для создания там жизненных ниш. Какие, с этой точки зрения, процессы происходили на них в изучаемый период?

Плотность населения на уровне выше среднего для всего зауральского приграничья имеют 8 из 17-ти регионов. Это, в порядке убывания, Кемеровская область (30,6 чел. на 1 км²), Алтайский край (15,4), Новосибирская (15,2), Омская (15,1), Курганская (15,0) области, Приморский край (12,7), Хакассия (9,2) и Еврейская АО (5,4 чел. на 1 км²) [12. С. 866, 868, 870, 881, 883, 888, 889, 904]. Очень важно посмотреть, проявился ли как-то по-особенному инерционный рост населения в «восьмерке» более густонаселенных регионов по сравнению 9-ю остальными.

Из табл. 2 явствует, что разница между выделенными группами регионов существует, и она очень резко выражена. Налицо опережающий рост в 9-ти регионах с разреженным населением. При этом в четырех из них - показатель выше среднего для всего приграничья (11,5%), тогда как в восьмерке регионов с повышенной плотностью таковых всего два (да и превышение у них очень незначительное). Более того, даже самые низкие показатели роста в группе 9-ти регионов - много выше аналогичных показателей в «восьмерке».

В итоге, если совокупный рост населения в «восьмерке» составил в 1981-1989 гг. в среднем 6,7%, или 0,84% в год, то в малонаселенной «девятке» - целых 17%, или 2,1% в год! Следовательно, столь значительный опережающий рост именно в регионах с пониженной плотностью населения в перспективе не-

избежно обеспечил бы сужение возможностей массового «подселения» туда иностранцев.

Однако в 90-е годы, когда вслед за разворотом миграционных потоков пришел еще и отрицательный естественный прирост, численность населения стала последовательно снижаться. Но самое интересное - как?

Из сравнения двух групп регионов (табл. 3) явствует, что за 14 лет, миновавших со времени проведения последней Всесоюзной переписи, от смены вектора миграционных потоков и отрицательного естественного прироста малонаселенные приграничные регионы Сибири и Дальнего Востока пострадали явно в меньшей степени (за исключением лишь Читинской области). Так, если в «восьмерке» положительный показатель по численности населения сохранил к 2003 г. только один регион - Республика Хакассия, то в «девятке» - целых три (Тюменская обл., Республики Алтай и Тува).

За 14 лет число жителей в более густонаселенных регионах приграничья снизилось в целом на 4%, а в малонаселенных только на 2,3%, т. е. в среднем по 0,16% в год. И это очередной аргумент не в пользу пессимистического прогнозирования будущей судьбы Сибири и Дальнего Востока.

Таблица 2

Рост населения в зауральских приграничных регионах России*

Регион	В 1989 г. по отношению к 1981 г., %
Приморский край	112,1
Республика Хакассия	111,6
Еврейская АО	109,8
Омская обл.	108,6
Кемеровская обл.	106,1
Алтайский край	104,7
Новосибирская обл.	104,6
Курганская обл.	101,7
Тюменская обл.	152,5
Республика Тува	114,7
Хабаровский край	112,9
Республика Бурятия	111,8
Горный Алтай	110,3
Красноярский край	110,2
Читинская обл.	109,3
Амурская обл.	108,4
Иркутская обл.	108,0

* Выделенные 8 регионов - наиболее густонаселенные.

Таблица 3

**Прирост населения в зауральских
приграничных регионах России***

Регион	В 2003 г. по отношению к 1989 г., %
Республика Хакассия	101,0
Алтайский край	98,9
Омская обл.	98,5
Новосибирская обл.	97,3
Курганская обл.	96,2
Приморский край	93,5
Кемеровская обл.	92,1
Еврейская АО	90,4
Республика Алтай	107,5
Тюменская обл.	106,3
Республика Тува	100,6
Красноярский край	98,6
Республика Бурятия	97,6
Иркутская обл.	95,4
Амурская обл.	92,8
Хабаровский край	92,4
Читинская обл.	89,2

Источник. Составлено по [17].

Сложение тенденций *ускоренного* прироста в малонаселенных регионах в советский период и *минимального* сокращения в постсоветский делает выдвинутые аргументы еще более основательными. Об этом со всей определенностью свидетельствуют данные табл. 4.

Как видим, ситуация в малонаселенных регионах с учетом всех 22-х лет наблюдения выглядит гораздо лучше. В частности, если взять те из них, в которых прирост был выше среднего по всему приграничью (см. табл. 1), то 5 регионов представляют именно «девятку» и только 1 - «восьмерку». И наоборот: 3 из 4-х регионов, давших минусовой прирост, - густонаселенные (разумеется, относительно).

В итоге в 2003 г. число жителей в восьми регионах с повышенной плотностью населения выросло по сравнению с 1981 г. лишь на сугубо символические для 22-х лет 2,4%, тогда как в девяти остальных - на вполне осязаемые 14,3%, в среднем это ведь составляет 0,65% в год.

Думается, что по результатам всего изложенного выше общий итог для всех 17-ти регионов трудно не назвать удивительным: хотя 8-процентный рост числа жителей за 22 года никак не назовешь большим (в среднем 0,36% каждый год), но это все-таки не *сокращение*, а *прирост*... И в каких условиях! Ведь в эти годы они переживают в еще большей мере, чем остальная Россия, бес-

Таблица 4

**Прирост населения в зауральских
приграничных регионах России***

Регион	В 2003 г. по отношению к 1981 г., %
Республика Хакассия	112,7
Омская обл.	106,9
Приморский край	104,8
Алтайский край	103,5
Новосибирская обл.	101,7
Еврейская АО	99,3
Курганская обл.	97,9
Кемеровская обл.	97,6
Тюменская обл.	162,1
Республика Алтай	118,6
Республика Тува	115,5
Республика Бурятия	109,1
Красноярский край	108,7
Хабаровский край	104,3
Иркутская обл.	103,1
Амурская обл.	100,6
Читинская обл.	97,5

Источник. Составлено по [17].

прецедентно драматические события в своей истории. Впервые в новое и новейшее время Сибирь и Дальний Восток в миграционном отношении превращаются из *реципиента* в *донора*. Затем страна вступает в фазу депопуляции, которая опять-таки представляет опасность в первую очередь для них. Да и общесистемный экономический и социальный кризис больше всего ударяет именно по зауральской России, сводя практически на нет систему «северных льгот», которые в предшествующую эпоху, с одной стороны, привлекали новых переселенцев, а с другой - удерживали «старых». Таким образом, даже несмотря на действие указанных факторов-депрессоров, картина сегодняшнего дня по сравнению с вполне благополучным в данных отношениях 1981 г. выглядит уж никак не безнадежно.

***Опасность есть. Но ее нужно
локализовать***

Пожалуй, не менее наглядно иллюстрируется вышесказанное и показателями по регионам, в которых произошло абсолютное сокращение населения за *весь* исследуемый период. Даже в областях, где оно было наибольшим - Читинской (на 2,46% меньше по сравнению с 1981 г.) и Кемеровской (на 2,37%), - это в среднегодовом исчислении дает сокращение лишь 0,1%. Показатель - более чем

скромный даже для эпохи вялотекущего развития, не говоря уже о той, которую пережили страна и регионы в истекшие 22 года!

Особый интерес в общем контексте рассматриваемой проблемы представляет Дальний Восток, ибо ему в катастрофических сценариях предрекается роль первой жертвы китайского «мирного завоевания». Объективно он, конечно, находится в более уязвимом положении. Во-первых, потому, что в отличие от сибирских регионов граничит с Китаем *непосредственно*, а во-вторых - как раз с самой густонаселенной из пограничных провинций - Хэйлуцзян (38 млн жителей при средней плотности 81,4 чел. на 1 км²). Так вот даже ситуация с дальневосточными субъектами не дает оснований для паники. В ведущих из них - Приморском и Хабаровском краях - среднегодовой показатель прироста населения составил 0,2%, а в более периферийных - Амурской обл. и Еврейской АО - он практически оставался неизменным: *всего-навсего 0,03%* роста и убыли в год соответственно. В итоге за наблюдаемый период для всего дальневосточного региона мы имеем хотя и маленький, но, что самое главное в свете господствующих представлений, *прирост* в 3,5%, составляющий в среднегодовом выражении 0,2%.

Модельным примером, отображающим конституциональные особенности массовых демографических процессов, может также служить внешне выглядящий феноменальным прирост населения в Тюменской обл. Причины его «сверхнормативности» для современной России несколько. Это и позднесоветская/постсоветская гипертрофия сырьедобывающих отраслей, а среди них в первую очередь нефте- и газодобывающих, на фоне регресса в других отраслях экономики, и мировая «революция цен» на энергоносители в последнее десятилетие, и наличие в России и странах СНГ большого резерва неиспользуемой рабочей силы, готовой к «перемене мест» в обмен на достаточно приличную для постсоветского мира зарплату на тюменских месторождениях. Однако даже такое уникально благоприятное сочетание факторов, дополняемое также тем, что данная область является самым «ближним Зауральем», обеспечило хотя и высокий, но все же не «зашкаливающий» среднегодовой рост населения в 2,8%!

А представляет ли убыль населения в Курганской, Кемеровской и Читинской областях сколько-нибудь реальную опасность в духе пессимистических прогнозов о «мирном завоевании»? Однозначно ответить на этот вопрос нельзя. Ведь для первых двух из них она, будучи зримым проявлением демографической деградации (особенно тревожным в связи с последовательным усилением общей тенденции к депопуляции в стране), *пока* именно *такой* опасности не несет.

Почему «пока»? Прежде всего, потому, что на пути к Курганской области, имеющей плотность населения даже несколько большую, чем в ближайшем к ней Синьцзян-Уйгурском АР (15 чел. на 1 км² против 11,8), находятся широкие просторы Казахстана, средняя плотность населения в котором почти в 3 раза ниже. Огромный по территории, чрезвычайно богатый природными ресурсами, но очень рыхлый и малонаселенный (5,4 чел. на 1 км²) Казахстан является, бесспорно, куда более удобным объектом для китайского «освоения», чем такие, хотя и «проблемные», но остающиеся, тем не менее, густонаселенными, по сибирским понятиям, регионы, как Курганская область, или та же Кемеровская, с ее рекордным для Зауралья показателем плотности 30,6 чел. на 1 км².

Но вот убыль населения в Читинской обл., при всей ее несущественности, - совсем другое дело. Это уже прямая опасность: демографический регресс в регионе, плотность населения в котором не достигает и 3-х чел. на 1 км² и на который при этом приходится около 2 тыс. км государственной границы, объективно провоцирует соседей на оказание, фигурально выражаясь, «братской демографической помощи» путем «подселения»...

Почти те же, а то и ниже, показатели плотности населения в трех расположенных к западу от Читинской области Республиках - Бурятии (2,9 чел. на 1 км²), Туве (1,8), Алтае (2,2). По этому показателю они, таким образом, тоже могут восприниматься соседями как достаточно перспективные для «подселения». Однако в любом случае, так сказать, «проходной миграционный балл» в эти регионы - значительно выше, прежде всего, по причине отсутствия непосредственной границы с Китаем³. Кроме того, как яв-

³ Несколько десятков километров границы в труднодоступной горной местности между Республикой Алтай и Синьцзян-Уйгурским АР - фактор малозначимый.

ствует из приведенных таблиц, общая демографическая ситуация во всех трех республиках на фоне других регионов Зауралья – куда более благополучна.

По низкой плотности населения вполне сравнима с Читинской областью ее восточная соседка – Амурская область (2,7 чел. на 1 км²). А поскольку она граничит с наиболее густонаселенной китайской провинцией Хэйлунцзян, то сочетание данных факторов делает ее тоже весьма удобной территорией для «подселения». Но при этом проходной миграционный балл в нее все же выше, чем в Читинскую область, в силу заметно лучшего общего демографического состояния и гораздо более высокой плотности населения в приграничной полосе, начинающейся южнее г. Свободного.

Далее указанная полоса, проходя через Еврейскую АО, прилежащие территории Хабаровского и Приморского краев, заселена уже достаточно густо вплоть до самого г. Владивостока. Настолько густо, что в случае «тихого подселения» туда, допустим, 3 млн китайских соседей «контрольный демографический пакет» все равно останется за местным населением. Впрочем, о таком сценарии не стоит говорить всерьез, ведь, по результатам различных специальных исследований, единовременное присутствие сегодня китайцев на *всей* территории России составляет куда более скромные цифры: от 500 до 800 тыс. чел. [13. Т. 1. С. 182].

* * *

Проведенное исследование показало, что существующие в науке и обществе опасения и страхи по поводу будущих судеб Сибири и Дальнего Востока отчасти – просто неадекватны, по ряду позиций – сильно преувеличены, а в большинстве случаев – асимметричны реальным угрозам для громадного региона.

Установлено, что наблюдающаяся с 90-х годов в Зауралье, как и в стране в целом, депопуляция в наименьшей мере затронула именно приграничную полосу юга Сибири и Дальнего Востока. При этом приграничные регионы с самой низкой плотностью населения, т. е. наиболее уязвимые с точки зрения вероятного «недружественного поглощения», пострадали от депопуляции вообще пока в самой минимальной степени.

Согласно результатам исследования, среднегодовое сокращение населения в 17-ти приграничных регионах в 1989–2003 гг. происходило в 6,3 раза (!) медленнее, чем среднегодовой рост в столь, мягко говоря, небогатые на стимулы роста 80-е годы. И в этой *несопоставимости* темпов того и другого, невозможно, на наш взгляд, не увидеть конкретный довод в пользу того, что многовековая российская миграционная доминанта «На Восток!» отнюдь не исчезла «навсегда», как предполагают сегодня специалисты [5. С. 1–2; 10. С. 1]. Представляется, утверждения о том, что нынешний «западный дрейф» миграций – явление вовсе не временное, основываются на абсолютизации в историческом времени кризисного состояния постсоветской России, нашедшего, в частности, выражение в невразумительной и откровенно слабой демографической политике.

А между тем уже сейчас можно говорить о том, что в последние годы российское правительство начинает предпринимать все более серьезные меры, направленные на преодоление прежней пассивно-страдательной позиции руководства страны перед лицом демографического кризиса. В этих условиях появились реальные основания надеяться, что государство, наконец, направит необходимые средства (которые, как справедливо пишет Н. Шмелев, у него есть) для претворения в жизнь «Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г.» [2. С. 14–15; 9. С. 166]. И лишь в этом случае «читинско-амурские ворота», сегодня чуть ли не нараспашку открытые для неконтролируемого иностранного «освоения» Сибири и Дальнего Востока, начнут мало-помалу прикрываться.

К сожалению, вслед за журналистами и публицистами уже и некоторые демографы начали писать о том, что для уравнивания плотности населения в приграничных российских регионах с «китайской» нужны примерно 500 млн чел. [5. С. 2]. И в этом случае у нас ничего другого не остается, как предположить, что, «звоня в колокол», в статистические «святцы» они просто-напросто не заглядывают. В нашем исследовании мы привели уже достаточно подтверждений неадекватности подобных представлений. В заключение – один лишь новый штрих. Пример-

но³Д общей протяженности непосредственной и опосредованной границы с Россией приходится на 2 огромные по территории китайские административные единицы - Внутреннюю Монголию и Синьцзян-Уйгурский АР. Средняя плотность населения в них на конец 2004 г. составила 15,2 чел. на 1 км². (подсчитано по [7]). А с российской стороны, в упоминавшейся выше восьмерке регионов (с относительно более высокой плотностью) показатель этот ведь даже чуть выше - 15,6 чел. на 1 км²...

Возможность аннексии КНР соседних стран в наше время стала уже чисто теоретической. Постмаоистский Китай «перековал мечи на орала» и приступил к экономическому освоению соседей, для этого «подселая» туда своих граждан. Но для такого «освоения», по совокупности необходимых условий, куда больше, чем российские территории, подходят Казахстан и Монголия, крайне малонаселенные и слабые в военно-политическом отношении. Даже, если бы на их огромную территорию (4,3 млн км², или почти 45% от китайской!) переселилось *все* 70-миллионное население сопредельных китайских регионов (Ганьсу, Внутренняя Монголия, Синьцзян-Уйгурский АР), и в этом случае средняя плотность совокупного населения на ней поднялась бы лишь до ... 20 чел. на 1 км²!

Однако казахи и монголы (равно как и сибиряки) по поводу реальной осуществимости подобного сценария могут *не слишком* уж волноваться. Дело в том, что множество исследований, проведенных специалистами различных стран мира в последние 10-15 лет, регистрируют *несравненно меньшую* реальную миграционную мобильность, нежели та, которую прогнозируют различные экономические или демографические модели [15]. Как пишет французский демограф Ф. Эран, средний человек, «привязанный к своим родным, своему языку, своей стране, к ее гуманитарному богатству, малотранспортабельному из-за недостаточной стандартизованности, имеет тысячу причин, чтобы не эмигрировать...». И потому в масштабах планеты не на родине проживает «фактически лишь *один из сорока чело-*

век (2,5%)», часто по тем или иным форс-мажорным обстоятельствам [15. С. 3-4].

Так что, по всей вероятности, не только пресловутые 500 млн, но даже десятки миллионов жителей Китая не решатся обустроиться на просторах Сибири, Дальнего Востока, Казахстана и Монголии. Разве что несколько миллионов...

ЛИТЕРАТУРА

1. Пизон Ж. Все страны мира // Население и общество. 2005. № 93..
2. Шмелев ИЛ. Россия через 50 лет: возможные сценарии будущего // Белорусский экономический журнал. 2006. № 2.
3. Федоров В.П. Россия: внутренние и внешние опасности. М., 2005.
4. Мкртчян Н. Миграция в России: западный дрейф // Население и общество. 2004. № 87.
5. Трейвиш А. Россия: население и пространство // Население и общество. 2002. № 69.
6. Федоров В.П. Крушение Европы? М.: ИЕРАН - Изд-во «ОГНМ», 2005.
7. Режим доступа: <http://www.abirus.ru/o/adm.div/htm>
8. Новая Российская Энциклопедия. В 12 т. Т. 1. М., 2004.
9. Римащевская Н.М. Население // Большая Российская Энциклопедия. В 30 т. Т. «Россия». М., 2004.
10. Мкртчян Н. Внутророссийская миграция: новая старая картина? // Население и общество. 2002. № 67.
11. Буховец О.Г. Постсоветское «Великое переселение народов»: Беларусь, Россия, Украина и др. М., 2000.
12. Большая Российская Энциклопедия. В 30 т. Т. «Россия». М., 2004.
13. Зайончковская Ж. А. Миграция населения // Новая Российская Энциклопедия. В 12 т. Т. 1. М., 2004.
14. Cazelli G., Vallin J., Wunsch G. (dir.). Demographie: analyse et sythese, t. 4: Les determinants de la migration. Paris, 2003; Simon G. Les migrations internationales // Populations et Societes. № 382. Septembre 2002.
15. Эран Ф. Пять предвзятых идей об иммиграции // Население и общество. 2004. № 80.
16. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Национальный состав населения СССР. М., 1991.
17. Советский энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Сов. Энциклопедия, 1983.